

ФАКТОРЫ УМИРОТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО МИРА»: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Чем интенсивней человеческая природа проявляет «варварскую» склонность к войне, тем более актуальной становится проблема ее умиротворения, и тем настойчивей ведется поиск факторов, способствующих снижению уровня международной напряженности. В истории западной философской мысли, от стоиков до И. Канта, этот факт проявился в многовековой традиции обсуждения идеи «вечного мира». Мыслители в поисках путей к миру уповали на бога, монархов-миротворцев, добрую волю и разум человека. Современные ученые объясняют колебания уровня международной напряженности посредством установления зависимости данной переменной с экономическими, политическими, военно-политическими, правовыми факторами динамики мировой системы и ведущих держав. Сегодня среди научных теорий, включающих в предмет исследования данную проблему, видное место занимает либеральная концепция «демократического мира». Критическому анализу и выявлению границ эмпирической области данной концепции посвящена эта статья. Подчеркивая актуальность поставленной цели, хочется отметить, что проблема альтернативности путей достижения мира, обоснование и выбор ведущей в этом отношении позиции находятся на периферии внимания отечественных политиков и ученых. Способ, каким эта проблема еще недавно решалась в отечественной литературе, а именно, считалось, что истинно демократический мир невозможен без пролетарской революции, сегодня

мало кому покажется убедительным. Поэтому следует задать вопрос, может ли концепция «демократического мира» стать серьезной альтернативой устаревшим концепциям «социалистического мира» и «мирного сосуществования двух систем».

Вначале несколько слов об общем содержании направлений, для которых идея миролюбия демократий является базовой. Для всех направлений парадигмы «демократического мира» характерно стремление объяснить способность либеральных государств играть в международной политике две противоположные роли: носителей стандарта мирного существования и субъектов, прибегающих к военным средствам во внешней политике. Их общим тезисом является утверждение о том, что либерально-демократические государства по своей природе являются мирными. Опираясь на авторитет И. Канта, представители этой парадигмы утверждают, что либеральные демократии весьма сдержанно проявляют силу не только внутри страны, но и за ее пределами. Считается, что мир между демократическими государствами определяют именно особенности демократии, а не экономические или геополитические характеристики в сочетании с ней [Russett et al., 1993. P. 11]. Миролюбие является следствием подотчетности государства своим гражданам, которые оплачивают войну кровью и деньгами. Многие авторы (M. W. Zacher, R. A. Mattew, C. Layne, P. Hayden) убеждены, что переход к либеральным ценностям в глобальном масштабе и преобразование всех

стран в демократические сделают всеобщий мир достижимым. На сегодняшний день выделяют три основных подхода к объяснению «демократического мира»: культурно-нормативный; структурно-институциональный и нормативно-институциональный.

Согласно культурно-нормативному подходу (A. Burley, F. Kratochwil) в международных отношениях правительства следуют тем нормам решения конфликта, какие развиты в рамках внутренних политических процессов их стран. В демократических государствах такими нормами являются компромисс и отказ от насилия. Поэтому демократические государства следуют мирным нормам решения конфликта с другими демократиями. Чем более устойчивы традиции демократии в обществе, тем более свойственны эти нормы правительству. Для правительств недемократических стран, напротив, характерны методы принуждения, «завоевания и грабежа» [Owen, 1994. P. 89]. В случае революции мирные нормы могут быть формально прописаны в конституции, но реальные действия и методы достижения цели не будут им соответствовать. Поэтому конфликты между демократиями возможны, если, по крайней мере, одному из демократических государств будет свойственно рассогласование между формально провозглашенными демократическими принципами и реально существующими нормами практики [Russett et al., 1993. P. 30–35].

Представители структурно-институционального подхода (B. Bueno de Mesquita, D. Lalman, J. Ray) утверждают, что демократические государства имеют ряд ограничений (например, разделение властей, необходимость общественных дебатов), замедляющих процесс принятия решения о начале военного конфликта. В случае возникновения конфликтной ситуации между демократиями их лидеры знают, что внезапного нападения не будет. Лидеры недемократических государств такими условиями не связаны, они могут тайно подготовить и быстро осуществить агрессию. Поэтому в отношениях с ними лидеры демократических стран должны использовать насилие во избежание риска неожиданного нападения [Ibid. P. 11].

Основные положения нормативно-институционального подхода (B. Russett, W. Anthonis, C. Ember) являются синтезом двух преды-

дущих, но приоритет отдается положениям культурно-нормативной модели, поскольку считается, что именно распространение в мире демократических норм уменьшит частоту и интенсивность военных конфликтов [Ibid. P. 119–120].

Представители данной парадигмы, как это уже было отмечено, апеллируют к авторитету И. Канта. Однако, указывая на труды И. Канта как на источник философских оснований своих теорий, они упрощают и искажают его идеи. Идеи столь искажены, что в плане философских оснований теории «демократического мира» кажутся более гегельянцами, нежели кантианцами. Например, И. Кант видел федерацию государств как идеальный принцип, который может служить лишь маяком для человечества. В процессе движения к нему человечество реализует свой главный задаток – разум, т. е., по мысли И. Канта, разумное начало еще не реализовано. В отличие от него Г. В. Ф. Гегель провозглашал, что «все существующее разумно». Воплощением высшего идеала для Г. В. Ф. Гегеля являлось конституционное государство Нового времени. Рациональность оказывается воплощенной и у представителей «демократического мира», в виде либерально-демократического государства. Интересное в данном плане прочтение И. Канта обнаруживает Ю. Хабермас. По мнению Ю. Хабермаса, идея вечного мира И. Канта не реализовалась во многом потому, что И. Кант не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек. И. Кант, считает он, проявил нечувствительность к появлению нового исторического сознания и росту признания культурных различий, росту значимости неевропейских, нехристианских культур, что делает договоренность с ними, а следовательно, и вечный мир проблематичным [Хабермас, 2004. С. 17]. Иными словами, рациональность уже воплощена в Западном обществе, дальнейшее движение в этом направлении проблематично из-за различий культур.

С таким прочтением идей И. Канта трудно согласиться по двум причинам. Во-первых, у И. Канта государства в международной сфере подобны индивидам в обществе. Если индивиды, имея различия, в том числе и культурные, приходят, время от времени, к согласию, так почему же это невозможно на уровне государств? Во-вторых, в отличие от И. Канта теории

«демократического мира», как и Г. В. Ф. Гегель, наполняют идеал государства конкретными чертами, что задает мысленный предел политическому развитию и придает системе характер этического консерватизма, который И. Кантом отрицался. Для И. Канта «совершенно невозможно» «клятвенно обязать всех к принятию определенного неизменного символа для того, чтобы вести постоянную верховную опеку над каждым своим членом и через них над народом и даже увековечить ее. [...] Ни одна эпоха не может связать себя обетом и поклясться в том, что она поставит следующую [эпоху] в [такое] положение, когда для той стало бы невозможно расширить свои [...] познания, избавиться от ошибок и двигаться вперед в просвещении» [Кант, 1994. С. 137]. Теоретики «демократического мира» оставляют без внимания данную идею И. Канта.

Рассмотрим еще один пример подобной интерпретации. В духе этического консерватизма Патрик Хэйден яростно критикует идеи культурного плюрализма Дж. Ролза, пытавшегося в своей книге «*Law of peoples*» (1999) предложить разные наборы прав для либеральных и нелиберальных обществ с целью обеспечения условий длительного мира и преодоления противоречия между принципом всеобщности прав человека и принципом суверенитета стран. П. Хэйден пишет: «Концепция глобального закона Канта указывает, что нелиберальные, иерархические государства должны быть преобразованы в государства, поддерживающие демократические, эгалитарные и светские принципы права. Она содержит в себе намного более сильные требования к гражданским и политическим правам, чем те, что признаны Ролзом» [Hayden, 2000. Р. 60]. Критикуя Дж. Ролза за пренебрежение принципом всеобщности прав человека, П. Хэйден сам не решает указанное противоречие. Он ограничивает понятие суверенитета, который «должен зависеть от моральной и политической легитимности государств, стандарта, для иерархических или иначе тиранических государств невыполнимого» [Ibid.]. Иными словами, делая вывод о том, что суверенитета достойны только либеральные демократии, П. Хэйден, по сути, объявляет войну всем обществам с иными формами государственной власти. Он игнорирует тот факт, что И. Кант гораздо менее категоричен в отношении государств, где представительная форма правле-

ния отсутствует. Таковые, по мнению И. Канта, «могут во всяком случае принять способ правления, сообразный с духом представительной системы» [Кант, 1994. С. 381].

Далее, для И. Канта обоснование национального интереса как высшего принципа политики означало отказ от нравственного принципа и права. Напротив, для Г. В. Ф. Гегеля важнейшим понятием международной сферы являлся «национальный интерес». Казалось бы, и представители «демократического мира» отказываются от идеи «национального интереса», но это не так. Либерализм с момента своего возникновения всегда был связан с идеей нации. И сегодня, как отмечает М. Канован, «даже те разновидности либерализма, которые выказывают явную враждебность к национализму, при всей своей открытости во многом опираются на молчаливые посылки относительно присутствия и действенности нации» [Канован, 2007. С. 84]. В теориях «демократического мира» универсальные общечеловеческие ценности совпадают с ценностями либеральных демократий. Например, Э. Пагден, оправдывая стремление США распространить свои политические ценности на остальную часть мира, указывает, что данный процесс совпадает с замыслами И. Канта [Pagden, 2005. Р. 46]. Следует также отметить, что сторонники данной парадигмы упускают из вида неуспех уже имевших место в истории человечества попыток привнесения принципов республиканизма и демократии (революционной Францией конца XVIII – начала XIX в., Советским Союзом). Остается непонятным, каковы по сравнению с предшествующими случаями основания успеха доктрины «демократического мира».

Соответствие идеям И. Канта, вероятно единственное, у теоретиков «демократического мира» все же имеется. Их непримиримость к «нелиберальным» государствам подтверждает мысль И. Канта о необщительности и агрессивности человеческой природы. «Необщительность» и война, в понимании И. Канта, являются средствами природы в совершенствовании человечества. Мир у И. Канта находит опору не в силе, а в моральной доктрине, а если более точно, в его философии истории. Мир как результат полной реализации главного задатка человеческой природы – разума, означал бы и реализацию категорического императива в международных отношениях. У Канта применение и

оправдание насилия не совместимо с совершенным обществом. Тем не менее сторонники «демократического мира» совмещают эти два тезиса.

Упрощение идей И. Канта обнаруживается в главном тезисе теории «демократического мира». Считается, что либеральные государства достигли внутреннего умиротворения и стремятся обрести мир в международной сфере. Поборники «демократического мира» упускают из вида одно обстоятельство, которое не пропустил И. Кант, а именно, способность самых развитых и богатых цивилизаций, «преимущественно торговых государств», инициировать своим поведением конфликты [Кант, 1994. С. 399]. И. Кант, как и почти на сотню лет ранее него Адам Смит, отмечал, что война стала дорогим занятием, а данное обстоятельство склоняет чашу весов в пользу наций с рыночной экономикой, так как они могут больше тратить на военные нужды, чем другие страны.

Результатом идеализации миролюбия либерально-демократических государств и противопоставления их в этом плане «тоталитарным» обществам является поверхностный анализ ряда фактов применения насилия со стороны США к странам, где правительства были избраны народом – Иран (1953 г.), Гватемала (1954 г.), Индонезия (1957 г.), Бразилия (1961 г.), Чили (1973 г.), Никарагуа (1981 г.). Объясняя данные случаи, Б. Рассет ссылается на то, что правительства этих стран были, во-первых, недостаточно демократичными, во-вторых, это были не войны, а относительно дешевые в плане затрат операции, проведение которых сопровождалось действиями по минимизации негативного общественного мнения [Russett et al., 1993. P. 123]. Он не видит в указанном ряде случаев аномалий, способствующих развитию его теории. Б. Рассет просто относит данные государства к «тоталитарным» и оправдывает насилие. Следовательно, можно предположить, что и дальше в случае возникновения конфликта между либерально-демократическими государствами ответом на аномалию будет тезис «это не война», а если интенсивность боевых действий окажется все же достаточно большой, то, как минимум, одно из государств будет названо «недостаточно демократическим».

Данное «объяснение» аномалий одним из корифеев «демократического мира» указыва-

ет, помимо прочего, на узкие методологические границы подхода, которые при попытке расширения эмпирического поля приводят к противоречиям. Например, если мы принимаем способ доказательства Б. Рассета, то тогда конфликт между СССР и КНР, а также силовые действия войск стран Варшавского договора во второй половине XX в. в Восточной Европе могут служить доказательствами миролюбия, а не агрессивности, как это видят западные либералы, «тоталитарного» социалистического строя, в силу того, что это «были не войны» и правительства данных стран не были «достаточно» социалистическими. Известно, что теоретики и идеологи СССР также считали советскую политическую систему самой мирной из когда-либо существовавших систем. Некоторые авторы обосновывали этот тезис и после крушения Советского Союза (см., например: [Серебрянников, 1998]).

Следует отметить и расплывчатость категориального аппарата в работах представителей «демократического мира». Критики, такие как Джуан Гова, в отношении культурно-нормативного подхода указывают, что отличить поведение государства, основанное на норме, от поведения, где определяющим является интерес, очень трудно, практически невозможно. Решение конфликта без обращения к силе, как в рамках государства, так и вне его, может быть результатом приверженности некоторой норме в выборе методов решения конфликта, а может быть результатом личных интересов вовлеченных в ситуацию партий. Невозможно дедуцировать мотивы поведения непосредственно из самого поведения [Gowa, 1999. P. 7–8].

Структурно-институциональный подход, идеализируя демократические общества, не рассматривает проблемные случаи функционирования их политической структуры, а потому, обладает узкой эмпирической областью. Например, в рамках данного подхода не рассматриваются случаи рассогласования деятельности ветвей власти демократических обществ. Данное направление, как отмечает Дж. Гова, не принимает в расчет, что ошибки и неудачи рыночной политики могут «вбить клин» между принципами и практикой системы сдержек и противовесов. Кроме того, представители данного подхода игнорируют существование в недемократических странах «неофициальных заменителей» системы сдержек и противовесов. В результате «различия формальных

структур ограничения разных типов режимов не столь весомы, как предполагает литература демократического мира» [Gowa, 1999. P. 9]. Это положение совпадает с выводами исследований Т. Моргана и С. Кэмпбелл, которые утверждают, что степень автономии лидеров невозможно установить без учета деятельности групп влияния, при этом автономия лидеров в недемократических странах может быть гораздо ниже, чем в демократических [Morgan, Campbell, 1991].

Сделаем выводы. Апеллируя к авторитету И. Канта, представители данной парадигмы упрощают и искажают его идеи. Мысль о совершенстве либерально-демократического устройства общества у них сочетается с идеей необходимого насилия над обществами, имеющими иную политическую форму правления. Для И. Канта совершенство и насилие несовместимы. При желании теоретики «демократического мира» могли бы найти в работах И. Канта идеи для обоснования компромисса и сотрудничества с нелиберальными государствами, однако для этого надо видеть перспективы этического роста либерально-демократических обществ, что представители данной парадигмы не обнаруживают, несмотря на то, что в реальности либеральные государства часто взаимодействуют со своими антиподами.

Узость методологических рамок исследуемого подхода обнаруживается при объяснении случаев военной агрессии демократических государств, направленной против стран, чьи правительства сформированы посредством института демократических выборов. Скучный методологический арсенал обусловлен философскими основаниями теорий, а именно бинарной картиной мира. Она не позволяет видеть и исследовать данные случаи как особенные, правительства просто объявляются «недостаточно демократическими», т. е. «достаточно тоталитарными», чтобы оправдать направленную на них агрессию. На серьезные методологические проблемы культурно-нормативного подхода указывают сложности в различении поведения, соответствующего некоторой общественной норме, и поведения, в основе которого лежит личный или групповой интерес. Поднимая проблему влияния внутренней политики на внешнюю, представители структурно-инсти-

туционального подхода излишне упрощают модели отношений общества и государства, как в демократических, так и в недемократических странах, что ведет к поверхностному анализу внутренних процессов. Следует вспомнить, что подобное упрощение, ведущее к игнорированию внутренних противоречий, было характерно для советской науки при объяснении миролюбивости социалистических и агрессивности капиталистических стран. Результаты этого известны. Опираясь такой моделью, ученый оказывается слепым в плане предсказания аномалий, а следовательно, и беспомощным в плане развития своей теории.

Список литературы

Канован М. Меч веры и щит страха: либерализм и сила нации // Логос. 2007. № 1 (58). С. 84–102.

Кант И. Соч.: В 4 т. М.: Ками, 1994. Т. 1. 586 с.

Серебрянников В. Социология войны. М.: Ось-89, 1998. 320 с.

Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // *Вопр. философии.* 2004. № 3. С. 12–18.

Gowa J. Ballots and Bullets: the Elusive Democratic Peace. Princeton: Princeton Univ. Press, 1999. 136 p.

Hayden P. From the Law of Peoples to Perpetual Peace // *Int. J. on World Peace.* 2000. Vol. 17. Is. 2. P. 47–64.

Morgan T. C., Campbell S. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War: so why Kant Democracies Fight? // *J. of Conflict Resolution.* 1991. Vol. 35. Is. 2. P. 187–211.

Owen J. How Liberalism Produces Democratic Peace // *Int. Security.* 1994. Vol. 19. Is. 2. P. 89–110.

Pagden A. Imperialism, Liberalism and the Quest for Perpetual Peace // *Deadalus.* 2005. Vol. 134. Is. 2. P. 46–65.

Russett B. et al. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World / B. Russett, W. Antholis, C. R. Ember, M. Ember, Z. Maor. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. 173 p.